

Светлана А. Мулина, Анна А. Крих
Омск, Россия

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ССЫЛКИ В СИБИРЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII–XIX ВЕКОВ В АРХИВАХ ОМСКА, ТОМСКА И ТОБОЛЬСКА

Большая часть документов, относящихся к польской ссылке второй половины XVIII–XIX вв. в Западной Сибири, сосредоточена в архивохранилищах Омска, Тобольска и Томска¹. В этих городах дислоцировались административные, полицейские и жандармские структуры, поэтому именно здесь осело большое количество официальной делопроизводственной документации. Материалы, посвященные польской ссылке, в настоящее время являются широко востребованными: кроме профессиональных историков и краеведов, они интересны лицам польского происхождения, пытающимся восстановить свою родословную. Помощь в этом деле могут оказать многочисленные обзоры, Web-страницы и размещенные в Интернете базы данных, посвященные генеалогии². В путеводителях указанных архивов не ставится акцент на коллекциях документов, содержащих информацию об истории поляков в Сибири³. Тем большую ценность имеет тематический и фамильный путеводитель по фондам Государственного архива Томской области «Ссылочные поляки в Томской губернии (1804–1917 гг.)», составленный сибирским исследователем В. А. Ханевичем. В путеводителе архивные дела, посвященные польским ссылочным, сгруппированы в несколько тематических блоков, согласно отраженной в документах ин-

¹ В статье идет речь о Государственном историческом архиве Омской области (ГИАОО), Государственном архиве Томской области (ГАТО), Государственном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГАТ).

² Подробнее см.: С. Поверский, *Генеалогия и интернет*, в: *Генеалогический вестник*, вып. 2, СПб 2001; Д. Панов, *Краткий обзор генеалогических материалов по Тобольской губернии*, в: там же; <http://vgd.ru/VESTNIK/vest.htm> (15.05.2014).

³ *Путеводитель по фондам Государственного архива Томской области. Путеводитель*, Москва 2001; *Краткий справочник по фондам филиалов государственного архива Тюменской области в г. Тобольск и г. Ишим*, Тюмень 2002; *Государственный архив Омской области и его филиал в г. Таре*, ч. 1, Омск 1984; ч. 2, Омск 1987; ч. 3, Омск 2000.

формации. Небольшой обзор документов, содержащих информацию о ссылке поляков в Западную Сибирь, был опубликован работниками Государственного исторического архива Омской области⁴.

Опираясь на многолетний опыт архивной работы авторов данной публикации был составлен данный обзор фондов крупнейших западносибирских архивов, в которых содержатся материалы, характеризующие высылку поляков по политическим делам в Сибирь. Архивный обзор разделен на несколько частей в соответствии с периодами польской ссылки, выделяемыми в научной литературе.

Ссылка участников польских конфедераций второй половины XVIII в. являлась первым примером массовых насильственных перемещений жителей Речи Посполитой вглубь Российской империи. В сибирских архивах материалы по данной группе польских ссыльных не сохранились ни в военном ведомстве, к которому относились ссыльные конфедераты, поскольку были определены в Сибири на военную службу, ни в гражданском губернском правлении. Поэтому информацию о происхождении, семейном положении, месте пребывания в Западной Сибири и характере службы польских конфедератов можно почерпнуть из материалов Тобольской духовной консистории, хранящиеся в Государственном архиве в г. Тобольск в фонде 156 и Государственном историческом архиве Омской области в фонде 16.

Поскольку сведения о польских конфедератах отложились по большей части в ведомстве православного исповедания, то в архивных документах речь идет о ссыльных сменивших вероисповедание. Первые перекрещивания конфедератов, среди которых были не только католики, но и униаты и лютеране, начались в 1770 г., однако массовое принятие православия приходится на 1773–1774 гг., когда в разных городах и крепостях Тобольской губернии приняло крещение по православному обряду 154 польских конфедерата⁵.

Конфедератов проживавших в г. Тобольске, изъявивших желание принять православие, отсылали в Тобольскую духовную консисторию, с обязательной промеморией из Тобольской губернской канцелярии либо письмом от тобольского губернатора к сибирскому митрополиту. В сопроводительных документах указывались имена и фамилии конфедератов, а также их звание и военное подразделение, в котором они служили. В консистории с конфедератов собирали «скаска» – сведения о возрасте, месте рождения, социальной и религиозной принадлежности (в том числе о факте миропомазания). Некоторые «скаска» содержат подписи конфедератов на польском и русском языках. После совер-

⁴ Л. И. Огородникова, А. С. Осипова, *Поляки в Западной Сибири. Обзор документов Государственного архива Омской области*, в: *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Мат-лы VII Междунар. науч.-практич. конф.*, ч. 1, Омск 2008, с. 415–418.

⁵ А. А. Крих, С. А. Мулина, *Польские конфедераты в Сибири*, «Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение» 2012, № 2, ч. 2, с. 15.

шения таинства крещения⁶ из Тобольской духовной консистории в Тобольскую губернскую канцелярию посылалась промемория, в которой указывались даты принятия крещения, новые имена конфедератов, полученные в результате этого обряда, а также имена и фамилии восприемников, засвидетельствовавших факт перекрещивания. Этот комплекс документов позволяет выявить личную информацию относительно тех ссыльных участников польских конфедераций, которые находились в самом г. Тобольске, т.е. относительно 121 человека. Всего же в г. Тобольске после неудачного восстания ссыльных поляков осенью 1773 г. проживало 123 конфедерата⁷.

Информация относительно польских конфедератов, проживавших в других западносибирских городах – Таре, Тюмени, Ялуторовске, Туринске и др., – а также в сельской местности, может быть получена из сводных ведомостей, составляемых в Тобольской духовной консистории на основании реестров людей перешедших в православие из других религий, которые поступали в г. Тобольск из местных духовных правлений дважды в год. Поэтому итоговые ведомости составлялись на каждое полугодие отдельно. В ГУТО ГАТ сохранились ведомости за вторую половину 1770 г. и за 1772–1776 гг.⁸ В данном типе источников указывались именование, возраст, конфессиональная принадлежность и место жительства в Сибири ссыльных конфедератов, изредка указывались восприемники.

Более подробную информацию о принимающих православие конфедератах, проживавших в Тобольске и Таре, можно получить из метрических книг, хранящихся в фондах 16 ГИАОО и 156 ГУТО ГАТ, на основании которых и составлялись сводные ведомости духовных правлений. Судя по материалам метрических книг, фиксировавших рождение, бракосочетание и смерть жителей православного вероисповедания, следующим шагом для ссыльных конфедератов после перекрещивания было вступление в брак с местной уроженкой.

Дополнительная информация о жизни в Сибири некоторых участников польских конфедераций после того как они были отставлены от военной службы содержится в фонде Тобольского губернского правления (ф. 329) в ГУТО ГАТ. В этом фонде отложились материалы, посвященные амнистии и последующему возвращению польских конфедератов из Сибири на родину. Прежде чем возвращать из ссылки за государственный счет конфедератов с их семьями в Тобольском губернском правлении собиралась информация об именах и возрасте членов семьи бывшего конфедерата, наличии недоимок или других каких провинностей перед сибирскими властями. По данным Тобольского гу-

⁶ Униаты проходили «облегченный» вариант перекрещивания: они подтверждали свою принадлежность к православию через отрицание католицизма, прохождение исповеди и принесение «присяги».

⁷ А. А. Крих, С. А. Мулина, *Польские конфедераты*, с. 16.

⁸ ГУТО ГАТ, ф. 156, оп. 2, д. 2780, 2948; оп. 3, д. 143, 343, 904.

бернского правления в феврале 1806 г. из числа польских пленных, проживавших в губернии, согласились возвратиться на родину 12 человек с семьями⁹.

На основании документов томского архива Т. С. Мамсик опубликовала список из 229 польских ссыльных, подлежащих возвращению на родину по указу от 30 апреля 1804 г.¹⁰, причем было высказано сомнение в том, что речь в документе шла именно о бывших конфедератах. Однако опубликованный список не содержит каких-либо частных подробностей помимо имен и фамилий польских ссыльных.

Основные материалы о польских военнопленных, участвовавших в войне с Россией на стороне Франции в 1812 г. хранятся в Омском архиве, в фонде «Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска» (ф. 67). Прежде всего, это списки военнопленным полякам по отдельным полкам. Кроме информации о сословной принадлежности, возрасте, вероисповедания, семейном положении, родителях, месте рождения и проживания списки содержат данные об образовании и служебной карьере военнопленных. К сожалению, списки мало дают информации о жизни военнопленных в Сибири. Из них можно узнать лишь дату причисления в сибирское казачье войско, место службы, сведения об отпусках, штрафах и присяги на верность российскому императору. В фонде также сохранилась делопроизводственная документация, списки военнопленных, принявших присягу на верность российскому престолу, реверсы, клятвенные обещания и т.д.¹¹ На основе этих данных мы собрали и обработали сведения о 569 военнопленных, оказавшихся на службе в Западной Сибири¹², охарактеризовали персональный состав военнопленных и политику властей по отношению к ним¹³. Особый интерес представляют документы об отправке военнопленных на родину. Они позволили не только сравнительно точно определить количество возвратившихся на родину и оставшихся в Сибири военнопленных, но и выяснить условия возвращения, а также семейное и финансовое положение военнопленных накануне амнистии.

⁹ А. А. Крих, С. А. Мулина, *Польские конфедераты*, с. 19.

¹⁰ Т. С. Мамсик, *Поляки в Сибири (по материалам амнистии 1804 г.)*, в: *Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: Сб. науч. тр.*, Новосибирск 2004, с. 36–41.

¹¹ ГИАОО, ф. 67, оп. 1, д. 44, 46, 93.

¹² Омский краевед А. А. Магерамов на основе материалов Омского архива составил список военнопленных, проходивших службу в Сибирском казачьем войске, включающий 1250 человек, большинство которых являлись поляками. Но список не снабжен библиографическими сносками и не содержит, кроме имени и фамилии, никаких персональных данных; А. А. Магерамов, *Военнопленные «Великой армии» на службе в Сибирском линейном казачьем войске*, http://artofwar.ru/m/maa/text_0140.shtml (14.05.2014).

¹³ С. А. Мулина, А. А. Крих, *Поляки в Западной Сибири. Последняя треть XVIII – первая треть XIX веков: Биографический словарь*, Омск 2013, с. 58–178; С. А. Мулина, *Повесть о восьми трубах. Польские военнопленные 1812–1813 годов в Сибири*, «Родина» 2013, № 11, с. 79–81.

Отдельно следует остановиться на военнопленных, ставших участниками заговора в г. Томске. Информация о заговоре сохранилась в фонде Сибирского генерал-губернатора (ф. 2) ГИАОО. Именной список «секретным арестантам», содержащимся в Томском тюремном остроге включал 19 поляков, из которых 12 человек являлись военнопленными солдатами наполеоновской армии, служившими в Тобольском гарнизонном полку, который квартировал в г. Томске, и вышедшими в отставку. Остальные арестанты были представлены уголовниками, как уроженцами Западного края, так и великороссийских губерний. Арестантам вменялось «злоумышленное составление партии из ссыльных в Сибирь и военнопленных польских солдат», намерение освободиться из тюрьмы, вооружить колодников и людей работного дома. И главное – произвести в г. Томске возмущение, чтобы разграбить государственную казну, овладеть военной гауптвахтой и цейхгаузом, арестовать чиновников и ввести новый образ «самовольного правления»¹⁴.

В Тобольском архиве сохранились документы о транспортировке пленных поляков и распределении по сибирским гарнизонам¹⁵. Эти материалы уже были использованы тобольским историком В. С. Сулимовым¹⁶. В томском архиве, в фонде Томского губернского управления мы обнаружили лишь одно дело, содержащее информацию о военнопленных участниках войны 1812 г., проживавших в Бийском уезде Томской губернии: поляке Юзефе Франкевиче и трех французах¹⁷.

Ссылка поляков во время существования конституционного Царства Польского (1815–1830 гг.) в Сибирь была минимальной и затронула в основном жителей российских западных губерний, осужденных за уголовные преступления или бродяжничество. А уроженцы Царства Польского по конституции 1815 г. должны были отбывать наказание в пределах своего государства. В томском архиве сохранилось несколько именных списков, позволяющих охарактеризовать ссылку этого периода. Например, именной список поляков, сосланных в Томскую губернию за разные преступления и причисленных в волости Каинского и Томского округов, содержит 118 человек¹⁸. Все они были высланы в период с 1823 по 1830 гг. Список был составлен в ноябре 1833 г. по требованию томского гражданского губернатора и включал в себя

¹⁴ ГИАОО, ф. 2, оп. 1, д. 271а. О томских событиях см.: Б. П. Миловидов, *Военнопленные поляки в Сибири в 1814–1814 гг.*, в: *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы*, Можайск 2009, с. 344–349, 355–356.

¹⁵ ГУТО ГАТ, ф. 329, оп. 13, д. 556, 605.

¹⁶ В. С. Сулимов, *Подготовительный этап отправки в Сибирь пленных поляков в 1813 г.*, в: *Путь в Сибирь. Электронная библиотека*, <http://www.http://library.ikz.ru/georg-steller/materialy-iv-mezhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi/Sulimov-V.-S.-Podgotovitelnyi-etap-otpravki-v-1> (14.05.2014).

¹⁷ ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 6.

¹⁸ Там же, оп. 36, д. 87а, л. 59–73.

сведения о возрасте ссыльных, времени поступления на поселение и составе обвинения. В представлении, сопровождающем список, Томская экспедиция о ссыльных отмечала, что многие из этих ссыльных проживают в Томске по временным видам, но точной информацией о месте их пребывания экспедиция не обладает¹⁹.

Более подробные сведения о поляках, сосланных на поселение и проживающих в г. Томске, содержит именной список, составленный томским городничим Одинцовым. Список содержит 30 человек с указанием личных данных о ссыльных и сведений об их жизни в Сибири²⁰. Интересно, что большинство ссыльных перебрались в Томск практически сразу после своего приезда в Сибирь, почти все имели работу, семеро – собственный дом в Томске, 11 человек успели за время ссылки создать семью: пятеро женились на русских женщинах, а шестеро – на польках. Сохранилось еще несколько списков о ссыльных, прибывших в Томскую губернию с 1823 по 1830 гг.: сосланных в каторжную работу по Боготольскому заводу, сосланным на поселение в Каинский округ и др.²¹

Довольно полно представлена в сибирских архивах **ссылка участников восстания 1830–1831 гг. и тайных обществ межповстанческого периода**. Документы о поляках, сосланных на службу в Сибирское казачье войско, сохранились в основном в Омском и Тобольском архивах²². Это именные ведомости; списки польских военнопленных, объявивших себя иностранцами, переписка канцелярии Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска с генерал-губернатором Западной Сибири по различным вопросам.

Наиболее полный перечень польских пленных, состоявших на службе в Сибирском казачьем войске, содержит дело 288 (ф. 67) Омского исторического архива. Оно насчитывает 357 фамилий. На основе этого документа, а также перечня польских военнопленных, объявивших себя иностранцами (д. 253), списка пленным нижним чинам, определенным на службу в Сибирское линейное казачье войско (д. 252), списка польским пленным, состоящим на службе в полках Сибирского линейного казачьего войска (д. 319) и отдельных документов, содержащих персональную информацию о ссыльных (прошения ссыльных поляков, делопроизводственную переписку) мы собрали сведения о 407 представителях этой группы ссыльных²³. Сколько это составляет процентов относительно всех участников ноябрьского восстания, высланных на службу, сказать трудно, т.к. статистика ссылки этого периода слабо изучена. Польский историк В. Цабан на основе материалов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) предположил, что в 1831–1832 гг.

¹⁹ Там же, л. 57.

²⁰ Там же, оп. 54, д. 16, л. 25–34.

²¹ Там же, л. 36–37, 39–44, 46–47.

²² ГИАОО, ф. 67; ГУТО ГАТ, ф. 152, 205.

²³ С. А. Мулина, А. А. Крих, *Поляки в Западной Сибири*, Омск 2013, с. 179–298.

в российскую армию пришли примерно 39 300 молодых поляков (и рекрутов и сосланных в солдаты), примерно 15% от этого количества, то есть примерно 5800 человек оказались на службе в Отдельном Сибирском корпусе и Отдельном Оренбургском корпусе²⁴. Каким образом эти 5800 человек распределились между Оренбургским и Сибирским корпусом сказать сложно. По сведениям А. С. Нагаева, в 1833 г. в личном составе Сибирского корпуса находилось 27 655 человек русских и 2296 поляков²⁵. Однако в отчетных материалах Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска цифры более скромные. В период с 4 ноября 1831 г. по 1 февраля 1834 г. в 10 казачьих полков и конноартиллерийскую бригаду было зачислено 367 пленных поляков²⁶. За этот же период времени из числа поляков, определенных в казаки и причисленных в полки, умерло 8 человек, «за неспособностью» уволен от службы Константин Хилинский. Трое «по высочайшей воле» исключены из войска и отправлены на родину, пятеро были оставлены в Тобольске в музыкантах, двое определены на войсковую фабрику и двое – в линейные батальоны. Таким образом, к марту 1834 г. из 367 человек непосредственно в строю находилось 346 военнопленных поляков²⁷. Большая их часть (301 человек) в апреле–мае 1834 г. была переведена на службу в сибирские линейные батальоны.

Об участниках восстания, взятых в рекрутскую службу в зачет набора, известно меньше. В ГИАОО хранится два списка рекрутов из числа повстанцев. Первый список содержит 77 человек, принятых в Киевском рекрутском присутствии и определенных в Сибирский отдельный корпус с ноября 1831 по март 1833 гг.²⁸ Во втором списке перечислены 94 человека, принятые в Каменец-Подольской губернии и отправленные в г. Тобольск на службу в Сибирские линейные батальоны в 1831 и 1832 гг.²⁹ Можно предположить, что подобные списки были и по другим губерниям Царства Польского и Западного края. Тем более что отдельные примеры пребывания за Уралом рекрутов из других губерний бывшей Речи Посполитой нам известны. Предположительно, не попавшие в поле зрения Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска около 2000 польских солдат – это рекруты, определенные не в казачьи формирования, а в линейные сибирские батальоны, гарнизонные батальоны и инвалидные команды. Выявлением отчетной документации об их службе мы занимаемся в настоящее время.

В фондах сибирских органов власти более подробно отложились информация о первых годах пребывания поляков на службе в Сибири. Чтобы узнать, как

²⁴ W. Caban, *Shuzba rekrutow z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873*, Warszawa 2001, с. 113.

²⁵ А. С. Нагаев, «Омское дело» 1832–1833 гг., Красноярск 1991, с. 30.

²⁶ ГИАОО, ф. 67, оп. 1, д. 319, л. 1–42 об.

²⁷ Ю. Г. Недбай, *История Сибирского казачьего войска*, т. 1, Омск 2001, с. 285.

²⁸ ГИАОО, ф. 67, оп. 1, д. 319, л. 62–66.

²⁹ Там же, л. 67–71 об.

складывалась семейная жизнь ссыльных поляков, следует обратиться к коллекции метрических книг, хранящейся в 16 фонде ГИАОО. Использование метрических книг позволяет установить факты женитьбы поляков на русских сибирячках, рождение детей, место проживания ссыльных, а также круг общения сосланных поляков, т.к. запись о бракосочетании в метрических книгах обязательно сопровождалась перечнем поручителей по жениху и невесте, а крещение детей обязательно сопровождалось записью о восприемниках (крестных родителях) новорожденных. В роли поручителей при венчании и восприемников при крещении детей выступали польские ссыльные, а также местные уроженцы, с которыми поляки имели тесные контакты.

Другой блок документов посвящен участникам восстания и ссыльным межповстанческого периода, которые были высланы на жительство или поселение. В данном случае мы можем привлечь к исследованию не только материалы омского (ф. 3) и тобольского (ф. 2, 154, 205), но и томского архива (ф. 3). Материалы характеризуют состав ссылки этого периода, условия жизни поляков в изгнании, политику властей по отношению к ссыльным, в том числе и первые попытки правительства использовать поляков для земледельческого освоения региона. В период правления Николая I политическим ссыльным начали выдавать земельные участки и пособие на первоначальное обзаведение хозяйством, затрудняя тем самым их отъезд в города и ориентируя исключительно на занятия сельским хозяйством. Материалы тобольского архива свидетельствуют, что в 1832 г. в сельской местности Тобольской губернии проживал 41 ссыльный польский повстанец. Но только 11 из них согласились принять земельные участки³⁰. Проследив историю их дальнейшей жизни, мы выяснили, что из числа поляков, получивших землю, только двое человек захотели остаться в Сибири после амнистии, а значит, только в этих двух случаях процесс окрестьянивания прошел успешно³¹.

Сохранились отдельные документы о поляках, сосланных в Сибирь за связь с Шимоном Конарским, а также за участие в деятельности тайного общества «Содружество польского народа»³². Нам известны материалы о ссылке членов общества военных друзей братьев Ордынских³³, участника общества «черных братьев» Виктора Ивашкевича³⁴, Руфина Пётровского³⁵, графа Петра Мошинского³⁶ и других знаменитых участниках польского освободительного движения.

³⁰ ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 20, д. 65, л. 63–67.

³¹ С. А. Мулина, *Роль польской ссылки в колонизации Сибири в XIX веке*, в: *Колонизация Азиатской России (XIX – начало XX вв.): институции и практики: Мат-лы регион. науч. конф.*, Омск 2013, с. 115–124.

³² ГИАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18079, т. 1–2, д. 18080; ГУТО ГАТ, ф. 205, оп. 1, д. 720.

³³ ГИАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18343.

³⁴ Там же, д. 17876, 18212, 18260, 18262, 18343.

³⁵ Там же, д. 18203.

³⁶ Там же, д. 17877.

В отличие от них, практически забытой категорией ссыльных межповстанческого периода являются каторжники, приписанные к западносибирским заводам. Документы архивов позволяют говорить, что таковых было немного. Например, с 1823 по 1833 г. на Боготольский винокуренный завод поступило только 10 поляков, в основном осужденных за уголовные преступления³⁷. В 1846 г. в Екатерининском заводе, кроме бежавшего Руфина Пётровского, находились еще два поляка, в Керевском винокуренном заводе – один поляк, Боготольском – четверо, в Успенском казенном винокуренном заводе в каторжной работе из числа политических преступников вовсе никто не состоял³⁸. В 1852 г. Станислав Грудзинский, Генрих Погорецкий, были сосланы на каторжные работы, но почти сразу они были освобождены и причислены на поселение в сельскую местность³⁹.

Практически не сохранилось в сибирских архивах материалов по так называемому «Омскому делу» 1832–1833 гг. Большая часть следственных материалов (15 томов) хранится в РГВИА. В сибирских архивах сохранилось лишь несколько дел, в той или иной степени отразивших события 1832–1833 гг. и содержащих сведения об их участниках⁴⁰.

Даже амнистия 1856 г. не вызвала большого делопроизводственного ажиотажа в Западной Сибири. Безусловно, её реализация сопровождалась дополнительными проверками на местах и межведомственной перепиской о ссыльных, но в целом материалов, ей посвященных, не много. Они позволяют составить впечатление о количестве польских ссыльных, проживавших в Сибири накануне амнистии и в ходе её реализации⁴¹, уточнить персональный состав ссыльных, воспользовавшихся амнистией, сложности, с которыми столкнулись ссыльные, отправляясь на родину⁴².

Более подробно в сибирских архивах отражена **польская политическая ссылка после восстания 1863 г.** Значительная часть документов отложились в фондах канцелярий губернаторов, губернских правлений, городских полицейских управлений. Прежде всего, это циркуляры, секретная переписка правительственных органов, полицейских и жандармских управлений, ведавших надзором, отчеты, доклады, записки, следственные дела. Делопроизводственная документация позволяет не только проследить рождение того или иного законодательного акта, но и выяснить взгляды различных органов управления на тот или иной вопрос, составить впечатление о сути решаемой проблемы.

³⁷ ГАТО, ф. 3, оп. 54, д. 16, л. 21–38.

³⁸ ГИАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18236, л. 2 об., 6, 8 об., 9, 13–14.

³⁹ ГАТО, ф. 3, оп. 36, д. 229, л. 11–13.

⁴⁰ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 37; ф. 3, оп. 36, д. 87а; оп. 54, д. 16; ГИАОО, ф. 3, оп. 13, д. 1035; ф. 67, оп. 1, д. 283.

⁴¹ ГИАОО, ф. 3, оп. 12, д. 17798; ГАТО, ф. 3, оп. 36, д. 229; оп. 54, д. 362.

⁴² ГАТО, ф. 3, оп. 36, д. 229.

Основной вопрос, который приходится решать в ходе работы с этим видом источников – установление авторства документов, например: был составлен документ лично тобольским губернатором или председателем губернского управления, генерал-губернатором или членами ГУЗС. Решение этого вопроса важно для выявления личных позиций представителей власти по тем или иным вопросам. Большой интерес представляет записка тобольского губернатора А. И. Деспот-Зеновича об устройстве быта политических ссыльных в Западной Сибири⁴³. Знаменитый «покровитель поляков» предлагал создать условия для постепенной интеграции польских ссыльных в сибирскую жизнь. Для этого, по его мнению, было необходимо увеличить ссыльным пособие, смягчить надзор, не препятствовать удовлетворению религиозных потребностей, облегчить поиск ссыльными работы, разрешить отлучки из мест причисления, разрешить пользоваться правом собственности на землю без всяких ограничений. Родственные тобольскому губернатору взгляды высказывали представители других губернских структур, но не были приняты во внимание в столице⁴⁴.

Неспособность сибирской администрации наладить качественный надзор за политическими преступниками стала источником постоянного беспокойства центра по поводу влияния польских ссыльных на население края. Проводниками полонофобских настроений в столице стала структура жандармского ведомства. Документы сибирских архивов позволяют проследить, как протекала ведомственная борьба в регионе⁴⁵. Основной конфликт шел по линии жандармы – губернаторы. Способом дискредитации деятельности губернской власти становится выявление многочисленных злоупотреблений и послаблений в надзоре за ссыльными, что неизменно связывалось с «влиянием польского элемента».

Образ поляка-бунтовщика распространяется на всех представителей польской диаспоры в регионе, даже если они прибыли в Сибирь добровольно и играли важную роль в административном аппарате. Образ врага, сконструированный властью, отразился в многочисленных доносах, хранящихся в фонде 3 ГИАОО⁴⁶. Кроме уже упомянутой темы потворства полякам со стороны местной администрации, активно муссировались слухи о наличии в Сибири польской тайной организации и подготовке ссыльными поляками восстания. Эти обстоятельства привели к созданию Омской и Томской следственных комиссий, призванных разобраться в «польских заговорах». Большая часть доку-

⁴³ ГИАОО, ф. 3, оп. 4, д. 5727.

⁴⁴ Подробнее см.: А. В. Ремнев, *Польская ссылка и западносибирская администрация (1863–1868 гг.)*, в: *Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVII–XX вв.): Сб. науч. ст.*, Омск 1996, с. 29–43; S. A. Mulina, *Polscy zesłańcy na Syberii Zachodniej. Nadzór policyjny i walka między resortami*, «Wrocławskie Studia Wschodnie» 2006, № 10, с. 85–101.

⁴⁵ Например, см.: ГИАОО, ф. 3, оп. 4, д. 6221, 6335, 6715; оп. 5, д. 7009; оп. 6, д. 7921; оп. 13, д. 18510, 18512.

⁴⁶ Там же, оп. 6, д. 9751; оп. 13, д. 18471.

ментов комиссий хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В омском и томском архивах сохранились лишь отдельные документы: секретная переписка, протоколы дознаний⁴⁷. Они позволяют реконструировать те непростые условия, в которых польские ссыльные вынуждены были инкорпорироваться в сибирское общество.

В сибирских архивах сохранилось множество статистических материалов: именные списки, ведомости, алфавиты политических преступников, статистические сводки. При работе с этим видом документов необходимо учитывать ряд терминологических тонкостей. С. Г. Пяткова в качестве показателя неточности официальных статистических сведений сравнивает данные Ялуторовского окружного исправника, заявлявшего, что до 1 января 1870 г. в Ялуторовском округе польских переселенцев водворено не было, и ведомость о политических ссыльных, состоящих под надзором и находящихся на жительстве в Ялуторовском округе за 1871 г., в которой было зафиксировано 30 поляков⁴⁸. На деле эти два документа не противоречат друг другу, так как учитывают совершенно разные категории ссыльных: сосланных «на водворение» и «на жительство». Более того, категория водворенных учитывала не всех высланных «на водворение». Это подтверждают ведомости о водворении польских переселенцев, где отдельно отмечалось количество поляков, «назначенных для водворения», прибывших к месту назначения и реально «водворенных на казенных землях с выдачею пособия на домообзаводство». В частности, в Березовский округ с 1864 по 1869 гг. было назначено 37 польских переселенцев, к месту назначения прибыл 31 человек, но ни один из них не был водворен⁴⁹. В Ялуторовском округе водворенных тоже не оказалось⁵⁰.

Логика составления именных ведомостей и списков не всегда понятна. Например, список политических преступников, состоящих под надзором полиции в Томской губернии в 1868 г., на наш взгляд довольно точно отразил положение дел во всех населенных пунктах, кроме Каинского округа, где вместо реально находившихся нескольких сотен повстанцев указано всего несколько человек⁵¹. Более точное представление о персональном составе участников Январского восстания, сосланных в Западную Сибирь, дают «Ведомости политическим преступникам, состоящих под надзором полиции в Западной Сибири за 1871 г.», собранные в четырех томах дела 10812 Исторического архива Омской области⁵².

⁴⁷ Например: ГАТО, ф. 3, оп. 54, д. 553, 603; ГИАОО, ф. 3, оп. 4, д. 6316.

⁴⁸ С. Г. Пяткова, *Делопроизводственные материалы второй половины XIX века как источник по истории польской ссылки в Западную Сибирь*, в: *Источники по истории Западной Сибири*, ч. 2, Сургут 2003, с. 38–43.

⁴⁹ ГИАОО, ф. 3, оп. 6, д. 9967, л. 18–18 об.

⁵⁰ Там же, л. 110.

⁵¹ Там же, д. 8960.

⁵² Там же, оп. 7, д. 10812.

Сравнению списков мешает различия в учете властями родственников повстанцев, прибывших в ссылку, особенно жен: их то зачисляют в общий список политических ссыльных, то записывают, как добровольных сопровождающих. Иногда в списки попадали не только повстанцы, но и политические ссыльные, высланные до января 1863 г. и конечно все списки необходимо перепроверять на наличие повторов и нумерованных единиц. В целом, в городах учет ссыльных велся более основательно, чем в округах.

Несмотря на то, что исследователи предпочитают работать с общими списками, составленными в МВД и канцеляриях губернаторов, позволяющими оперировать цифрами в масштабах губернии, наиболее подробную информацию содержат документы, созданные в низовых полицейских структурах, в которых значительно точнее характеризовался состав поднадзорных, отражались частые перемещения ссыльных и меньше искажалось правописание фамилий. С. А. Мулиной в научный оборот были введены материалы Омского полицейского управления (ф. 14), хранящиеся в ГИАОО. Главным образом, это именные списки политических преступников, состоящих под надзором полиции в г. Омске. Списки составлялись городской полицией, как для внутреннего пользования, так и для отправки в вышестоящие инстанции. Первые часто не поддаются датировке. Не всегда есть возможность судить о количестве ссыльных, поскольку имеются пометки и приписки более позднего времени. Особенно это свойственно спискам 1864 г., когда число ссыльных быстро увеличивалось. Вновь прибывшие вносились в готовые списки, часто карандашом, на полях, и в настоящее время они трудно читаемы. Списки составлялись отдельно по каждой полицейской части города, а применительно к первой полицейской части, отдельно по первому и второму кварталу. Поэтому возникают дополнительные трудности по сбору информации о поляках в масштабе всего города. Документы содержат информацию о месте проживания ссыльного (форштадт, имя домовладельца), его занятиях, размере получаемого пособия, поведении в ссылке, занятиях, иногда присутствуют данные об условиях ссылки. Документы Омского полицейского управления позволили восстановить почти стопроцентно состав польской ссылки в городе: 435 человек, официально назначенных в Омск, и около 200 временно пребывавших в городе⁵³.

Большое значение для получения сведений о ссыльных имеют статейные списки. Они встречаются практически повсеместно во всех архивах. При этом особую важность имеют статейные списки, составленные сибирскими органами власти, где фиксировались перемены, произошедшие со ссыльным во время изгнания: изменения в семейном положении, условиях ссылки, месте жительства. На основе этого комплекса документов С. А. Мулиной была составле-

⁵³ С. А. Мулина, *Участники восстания 1863–1864 гг. в омской ссылке: анализ численности и персонального состава*, в: *Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX вв.*: Сб. науч. тр., Омск 2004, с. 80–112.

на база данных участников польского восстания 1863 г., отбывавших наказание в Западной Сибири, насчитывающая более 4000 персоналий⁵⁴.

Значительно сложнее собирать материал об оттоке ссыльных из Сибири. Сохранились дела, касающиеся реализации промежуточной амнистии 1867 г., амнистии иностранцев и многочисленные прошения ссыльных о возвращении их на родину⁵⁵.

Информацию о смертности политических преступников содержат обнаруженные С. А. Мулиной в тобольском и омском архиве восемь дел, содержащие сводные списки умерших в Западной Сибири политических преступников и подборки донесений об отдельных фактах смерти⁵⁶. Главным образом, на основе этих документов зафиксированы факты смерти более 500 польских ссыльных. Документы подтверждают, что наиболее распространенной причиной смерти стали простудные, легочные заболевания, среди которых преобладали горячка и чахотка. Эти болезни приобретались в основном в дороге и в первые годы ссылки, когда проходила так называемая принудительная акклиматизация. На втором месте по частоте заболеваний находятся инфекционные заболевания: тиф и тифозная горячка. На третьем месте – насильственная смерть и смерть от несчастного случая. В томском архиве встречаются данные о единичных фактах смерти политических ссыльных. Поэтому не удивительно, что основой опубликованного в 2001 г. католического некрополя г. Томска стали метрические книги⁵⁷.

Прошения, жалобы, доносы содержат информацию о ссыльных, вступающих в диалог с властями, применении тех или иных законодательных норм на практике, прецедентах, ставших началом будущей законодательной практики. Эти источники позволяют очертить коммуникативное пространство, где желания ссыльных вступали в конфликт с интересами властей. Представляет интерес адресация и бюрократический путь документов. Информация о том, к кому направлялось прошение, на каком уровне проблема решается, до какого уровня власти прошение ссыльного имеет официальную поддержку, в конце концов, какой мотив используют власти для отказа, позволяет составить впечатление о взаимодействии всех уровней администрации в деле организации надзора за ссыльными поляками. Сохранились дела, целиком состоящие из подборки прошений политических преступников по тому или иному вопросу⁵⁸.

⁵⁴ С. А. Мулина, *Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. Монография*, СПб. 2012.

⁵⁵ Например: ГАТО, ф. 2, оп. 2, д. 15, 17; ф. 3, оп. 2, д. 945, 1165, 1372; ГИАОО, ф. 3, оп. 5, д. 7601; оп. 7, д. 11367; оп. 8, д. 12974, 12997, 13037, 13059, 13189; оп. 13, д. 18515; ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 3, д. 191; оп. 5, д. 351.

⁵⁶ ГИАОО, ф. 3, оп. 4, д. 5727, 5745; оп. 6, д. 9250, 9736; ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 4, д. 117; оп. 6, д. 379, 696, 933.

⁵⁷ *Католический некрополь города Томска (1841–1919 гг.)*, Томск 2001.

⁵⁸ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 4, д. 473, 532.

Большая часть неопубликованных писем сосланных в Сибирь поляков содержится в Москве, в ГАРФе в фонде III Отделения с.е.и.в. канцелярии. Но и в сибирских архивах попадаются отдельные письма, изъятые у поляков во время обысков⁵⁹. Многие из них трудно читаемы. Одним из наиболее ценных источников является переписка дворянина Виленской губернии Михаила Жабы. Переписка была изъята у ссыльного во время обыска в 1867 г., произведенного в рамках дела о существовании в г. Кургане тайного польского общества⁶⁰. Она насчитывает 65 документов. Материалы дела были вовлечены в научный оборот С. Ф. Ковалем⁶¹. Однако письма не привлекли должного внимания историка, пропустившего ценные сведения о быте польских ссыльных, занятиях и процессах их самоорганизации. Материалы переписки свидетельствуют о слабой сплоченности поляков, многочисленных разногласиях среди ссыльных, о том, что создание организаций взаимопомощи столкнулось с нежеланием ссыльных платить складчину и отказываться от контактов с окружающим сибирским обществом⁶².

Другого формата переписка была выявлена С. А. Мулиной в ГУТО ГАТ в фонде Тобольского общего губернского управления⁶³. В деле собрано несколько десятков писем на польском языке, адресованных политическому ссыльному Эдварду Высоцкому, состоявшему под надзором полиции в г. Тобольске. Письма, написанные матерью ссыльного, сестрой и четырьмя младшими братьями и друзьями представляют собою весьма трогательные послания. К сожалению, они дают мало информации о пребывании Высоцкого в Сибири, но служат источником для изучения социально-экономической обстановке в западных губерниях в 1863–1866 гг.⁶⁴ В деле сохранилось только два письма самого ссыльного к родителям. Из них можно узнать, что Высоцкий аккуратно получал корреспонденцию из дома, но его ответы не всегда доходили до родственников (возможно, этому способствовал очень сложный процесс контроля за перепиской ссыльных), а также то, что финансовое положение Высоцкого в начале ссылки было «очень критичным». Он нуждался в деньгах, не мог найти работу и снять квартиру, так как в это время в Тобольске спрос на жилье намного превышал предложения так, что «даже здешние жители выезжали в Россию»⁶⁵.

⁵⁹ Отдельные письма польских ссыльных см.: ГИАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18517.

⁶⁰ Там же, оп. 6, д. 7921.

⁶¹ С. Ф. Коваль, *За правду и волю*, Иркутск 1966; он же, *Революционная деятельность польских политических ссыльных в Сибири в 60-е гг. XIX в.*, в: *Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861–1917 гг.*, Новосибирск 1965, с. 123–132.

⁶² Подробнее см.: С. А. Мулина, *Польская диаспора в Западной Сибири: стратегия выживания*, в: *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojrzenia*, Warszawa 2010, с. 274–282.

⁶³ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 1, д. 4.

⁶⁴ Мы еще не установили точное место проживания семьи Высоцких. По косвенным данным это может быть г. Пружаны.

⁶⁵ Э. Высоцкий – родителям. Тобольск, 26 ноября 1864 г., ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 1, д. 4, л. 50–50 об.; Э. Высоцкий – родителям. Тобольск, 24 декабря 1864 г., там же, л. 59–59 об.

Польская политическая ссылка последней трети XIX в. оставила меньший след в архивохранилищах Западной Сибири. Сложность выявления материалов по этой теме заключается в том, что поляки в данный временной период попадали в ссылку в основном за участие в русском революционном движении и поэтому не отделялись властями от российских революционеров. Из названных дел пропадают привычные для обозначения польских ссыльных маркеры: «польские переселенцы», «политические ссыльные», «польские водворенцы». Теперь в заголовках дел, как правило, фигурирует лишь перечень фамилий ссыльных, по которым не всегда возможно угадать, о польских или российских революционерах пойдет речь⁶⁶. С другой стороны значительным плюсом делопроизводственной документации этого периода является то, что статейные списки ссыльных сопровождалась фотопортретами осужденных. Пометка делопроизводителя о том, что с каждого государственного преступника теперь в обязательном порядке снимали по 10 фотокарточек, позволит в дальнейшем написать фотоисторию польской ссылки последней трети XIX в.

Состав дел этого периода вполне традиционен и дает представление, как о судьбах отдельных ссыльных, так и о политике администрации по отношению к этой категории населения. Большинство ссыльных этого периода были высланы в административном порядке, что облегчало процесс их обустройства в Сибири, и ускоряло ожидание амнистии. Можно продемонстрировать это утверждение на примере группе поляков, привлекавшихся в качестве обвиняемых к дознаниям о социально-революционной пропаганде, обнаруженной в Варшаве в 1878–1879 гг., и сосланных административным порядком на жительство под надзор полиции в Западную Сибирь. Прибыв в 1880 г. в Сибирь, Степан Рожанский устроился на службу к купцу Пастухову, занимавшемуся виноторговлей, а позднее получил возможность стать фельдшерским учеником в городской больнице. Доминик Рымкевич занял должность городского оспопрививателя в г. Томске. Александра Завадского освободили от полицейского надзора и разрешили переселиться в Казань для продолжения обучения в университете. Леону Белецкому в 1882 г. и вовсе разрешили вернуться на родину⁶⁷.

С 1885 по 1888 гг. в западносибирскую ссылку прибыло 47 человек, осужденных по делу партии «Пролетариат»⁶⁸. Л. П. Рощевской на материалах главным образом тобольского архива удалось восстановить хронику их пребывания в ссылке, круг общения и попытки самоорганизации в Сибири⁶⁹.

⁶⁶ Например, дело «По отношению Министерства внутренних дел о высылке в Сибирь под надзор полиции Антона Минского, Овсяного, Ивана Томашевского, Юлия Соболевского и Генриха Зелинского»; ГИАОО, ф. 3, оп. 10, д. 15994.

⁶⁷ Там же, д. 16635.

⁶⁸ Л. П. Рощевская, *Члены польской партии «Пролетариат» в западносибирской ссылке, «Советское славяноведение»* 1976, № 6, с. 31–42.

⁶⁹ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 11, д. 66; оп. 12, д. 7, 23, 29, 58, 66. Кроме того, Л. П. Рощевской были использованы материалы фонда Тобольской экспедиции о ссыльных (ф. 330) ГУТО ГАТ.

С середины 1890-х гг. польская политическая ссылка стремительно увеличивается. Новосибирский историк Л. К. Островский установил имена 2001 польского политического ссыльного и каторжанина, отбывавшего наказание в Сибири с середины 90-х гг. XIX в. по 1917 г., не указав при этом ссылок на архивные источники, в которых содержится эта информация⁷⁰. Между тем материалы позволили исследователю сделать вывод о том, что партийный состав ссылки этого периода характеризовался преобладанием в 1895–1904 гг. деятелей СДКПиЛ, а в 1906–1917 гг. – ППС. В социальном составе ссыльных лидирующее положение занимали рабочие. Представители привилегированных сословий, интеллигенция и учащиеся, представляли значительную группу до 1905 г., а после Первой русской революции уменьшаются, прежде всего, за счет увеличения доли крестьян и жителей городов⁷¹.

К этому же периоду посвящено исследование омского историка А. П. Михеева *Тобольская каторга*. Книга снабжена списком политических заключенных, отбывавших наказание в Тобольской каторжной тюрьме, с подробными биографическими справками, включающим 399 человек, среди которых, кроме русских, украинцев, белорусов, латышей, евреев (в том числе родом из польских земель) большую группу составляли поляки. Опираясь на материалы, главным образом, тобольского архива (ф. 152, 331, 689) А. П. Михеев определил, что католики на каторге в Тобольске составляли вторую по объему группу после православных (в 1908 г. более 10% заключенных являлись католиками)⁷². В основном это были боевики польских радикальных организаций, осужденные за различные проявления экстремизма: за нападение на военный караул, на полицейских и жандармских чинов, за покушение на должностных лиц, хранение оружия и взрывчатых веществ с целью совершения терактов. Автор подробно проанализировал контингент заключенных, условия их содержания и механизм управления каторгой.

Таким образом, в крупнейших архивах Западной Сибири сосредоточены материалы, позволяющие исследовать ссылку поляков не только с точки зрения традиционных для польско-российской историографии проблем мартирологии, общегосударственной политики, формирования и функционирования диаспоры/полонии, адаптации в принимаемом сообществе, но и предоставляющие возможность взглянуть на хорошо изученные темы под ракурсом социальной антропологии, исторической психологии и этнологии.

⁷⁰ Л. К. Островский, *Численность, состав и размещение польских политических ссыльных в Сибири (середина 90-х гг. XIX в. – 1917 г.)*, в: *Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода*, Новосибирск 1987, с. 140–148.

⁷¹ Там же, с. 143.

⁷² А. П. Михеев, *Тобольская каторга*, Омск 2007, с. 101, таблица 9.

STRESZCZENIE

**MATERIAŁY DO DZIEJÓW POLSKIEJ ZSYŁKI NA SYBERIĘ W DRUGIEJ POŁOWIE XVIII–XIX WIEKU
W ARCHIWACH OMSKA, TOMSKA I TOBOLSKA**

Bazując na wieloletnim doświadczeniu w pracy archiwalnej, autorki tej publikacji zaprezentowały przegląd zasobów największych archiwów Zachodniej Syberii, w których znajdują się materiały dotyczące polskich zesłańców politycznych na Syberię. W Omsku, Tomsku i Tobolsku mieściły się centra różnych organów administracji Zachodniej Syberii (w tym również organów policji i żandarmerii) i dlatego to właśnie tam przechowywana jest imponująca liczba dokumentów wytworzonych przez te instytucje.

Zachowane materiały pozwalają badać zesłania Polaków nie tylko z punktu widzenia tradycyjnych dla polsko-rosyjskiej historiografii problemów martyrologii, ogólnopństwowej polityki kształtowania i funkcjonowania diaspory/polonii, adaptacji do przyjmującej ich społeczności, ale i pozwalają spojrzeć na dobrze znane tematy z perspektywy antropologii społecznej, psychologii historycznej i etnologii. Przedstawiony przegląd źródeł archiwalnych jest podzielony na kilka części, zgodnie z periodyzacją dziejów polskiej zsyłki, funkcjonującą w literaturze naukowej.

Słowa kluczowe: polscy zesłańcy, archiwa syberyjskie, źródła historyczne, historia Syberii.